

ДМИТРИЙ САФОНОВ

ПО ДОРОГАМ XX ВЕКА

Если ты за всю свою жизнь не сотворил ничего такого, о чем стоило бы написать, то напиши хоть о своей жизни, но сделай это так, чтобы другим было интересно...

Плиний младший

Москва
2004

шей сестры с мужем, Федором Болдуевым, уехавших из станицы Ольгинской еще раньше, а сами отправились в Ашхабад, к нашей сестре, Нине Гогидзе, и ее мужу, покинувшем Ольгинскую после того, как у них отобрали единственную кормилицу — маслобойню. Дядя Сима устроился там на работу в какие-то ремонтные мастерские, а Михаил по-прежнему продолжал заниматься коммерцией. Вот так распался наш хутор и разбрелась вся, когда-то большая и крепкая, семья хлеборобов Сафоновых.

Погостил Павло у меня всего несколько дней и умчался, радостный и возбужденный ожидавшей его неизвестностью, к своим комсомольцам в Хабаровск, а оттуда — в несуществующий еще город Комсомольск. Как я ему завидовал! А за эти дни подробно рассказывал мне, как торжественно провожали их из Ленинграда, а желающих отправиться на эту ударную стройку большого государственного значения было так много, что в мобилизации, как таковой, не было никакой нужды, стоило только «бросить клич». Вот какой была советская молодежь, полная задора и бескорыстного энтузиазма!

А меня, после отъезда брата, забрала такая непреодолимая тоска по большой и плодотворной работе, по полнокровной жизни в рабочем коллективе, по своему «Комсомольску», что я места себе не находил. И жизнь во Владивостоке показалась вдруг какой-то серой, скучной и до противности однообразной, вроде тихой заводи, в которой даже рыба не водится, кроме дремлющих налимов.

В те годы в газетах, не только в центральных, много писалось о проводимых в Советском Союзе «в соответствии с решениями исторического партийного съезда» крупных промышленных стройках. Первые страницы газет, как правило, были заняты сообщениями о трудовых подвигах на таких «флагманах советской индустриализации», как Кузнецкстрой, Магнитка, Уралмаш, Азовсталь и другие, приводились убедительные данные, свидетельствовавшие о том, как одновременно с коренным преобразованием отсталой аграрной страны в могучую промышленную социалистическую державу происходят значительные изменения и в сознании людей, занятых на этих стройках. Нельзя было читать эти сообщения без восхищения и гордости за свою страну, за ее людей.

И загорелся я желанием самому принять непосредственное участие в этих великих делах, захотелось оторваться от «своей тарелки» и уехать на одну из строек, в свой «Комсомольск». А уж если мне что-то захотелось — тут я и сам не мог ничего с собой поделать, лучше не сопротивляться, я-то себя знал. И начал я по-серьезному собираться в отъезд. Правда, уволиться с работы было нелегко, тем более на Дальнем Востоке, испытывавшем острую нужду в кадрах. Но тогда еще не было таких драконовских законов, которые позволяли бы удерживать рабочих на предприятиях вопреки их желанию. Не было еще и трудовых книжек, с помощью которых можно было бы сделать это. Так что по-хорошему или по-плохому, но оставить свое прежнее место работы можно было. А вот со снятием с партийного учета дело обстояло значительно хуже: надо было получить открепительный талон, без которого тебя не примут на партийный учет на новом месте. Начал я с «обхаживания» партийного секре-

таря в наших мастерских, каких причин для отъезда только ни придумывал, и правду говорил, и привирал что-то о своих больных родственниках, якобы живших в Сибири, но ничем прошибить его не мог, не соглашался и точка. А без согласия партийной организации предприятия разговаривать в горькое партии было бесполезно.

И решил я уехать без снятия с партийного учета, что было по меньшей мере неразумно. Ведь я был тогда не такой уж юнец, кое-что должен был соображать в этих делах и понимать, чем это могло для меня кончиться. Тем не менее уехал, попрощавшись лишь с самыми близкими друзьями, да с моими старичками, у которых я жил. Они полюбили меня как родного сына, да и я привязался к ним. Так что любовь была взаимной, и расставание наше не обошлось без слез.

Курс был взят в Сибирь, на Кузнецкстрой. Это было осенью 1932 года, когда мне исполнилось — в дороге, в поезде — 23 года.

В эпицентре социализма

Поезд, которым я приехал на Кузнецкстрой, пришел туда поздно вечером, было уже темно, и шел дождь. Вокзал был маленьким и невзрачным, выглядел каким-то замызганным, ничто в нем не соответствовало тому грандиозному делу, которое вершилось за его выходными дверями. И это, конечно, не вдохновляло приезжающих на стройку людей, даже обескураживало своей серостью и обыденностью, как неказистая раздевалка при входе в незнакомый театр.

Как же все это было не похоже на тот образ, который уже давно сложился в моем воображении и к которому я успел привыкнуть! Еще в поезде, когда я, перебегая с одной стороны вагона на другую, старался рассмотреть в темноте какие-нибудь признаки приближения к заветной цели, мне казалось: вот сейчас поезд остановится у большого, ярко освещенного снаружи белого здания вокзала с оригинальным порталом, между колоннами которого установлены внушительные скульптуры шахтеров, сталеваров, вальцовщиков. А над массивными входными дверями мне виделся, как обязательный атрибут, огромный красочный транспарант, приветствующий вновь прибывающих энтузиастов, горящих желанием внести свою лепту в дело строительства социализма. Только так и не иначе! И вдруг такое разочарование, ничего похожего на мои фантазии...

Ни в самом вокзале, ни рядом с ним я не обнаружил не только какого-нибудь справочного бюро, но даже настенного объявления, которое помогло бы вновь прибывшему сориентироваться — как добраться до нужного места или хотя бы до какого-нибудь пристанища, где можно было бы переночевать. И никакого транспорта — трамвая или автобуса — не было видно, и не у кого было спросить — я даже не заметил, пока рассматривал вокзал, куда девались пассажиры, которые прибыли тем же поздним поездом, что и я.

Подошел ко мне не то казах, не то узбек в азиатском малахае и спросил, не нужна ли его помощь. Я, конечно, обрадовался этой живой душе, оказавшейся к тому же с лошаденкой, запряженной в какую-то повозку. Казах или узбек погрузил меня в свою колымагу и обещал доставить в дом приезжих, который находился в «соцгороде». Говорил он по-русски плохо, но все-таки мы могли понимать друг друга. По дороге он рассказал мне, где находится отдел кадров, заводоуправление и как туда добраться. У дома приезжих я с ним щедро расплатился и пошел определяться на свой первый ночлег на Кузнецкстрое.

После тщательной и нудной проверки моих документов присутствовавшим там милиционером дежурная проводила меня в большую комнату, где уже находились трое жильцов.

Познакомившись с ними, узнал, что двое из них, так же как и я, приехали на стройку по зову души, и вот теперь жалеют о своем необдуманном и ошибочном шаге — ничего хорошего они здесь не нашли. А то, что они читали про Кузнецкстрой в газетах и слышали по радио, оказалось, по их словам, «обычной пропагандой». Жилья нормального на стройке мало, большинство рабочих и служащих живут в бараках, а рабочие из среднеазиатских советских республик, занятые на земляных и строительных работах, ютятся в тесных и сырых землянках без электрического освещения, топят по-черному. Единственно, чего здесь вдоволь, заключили мои собеседники, так это работы, в этом недостатка нет. Вот такими нерадостными новостями встретила меня моя новая «жар-птица», за которой я с такой надеждой погнался. Но я все еще надеялся, что мои первые знакомцы сгущают краски, и, стараясь убедить себя в этом, поскорее улегся спать. Утро вечера мудренее — так часто говаривал мой дед, когда надо было решать какую-нибудь трудную или неприятную задачу.

От своих сожителей я узнал, что на строительной площадке Кузнецкстроя появилось новое предприятие — Кузнецкий металлургический завод, вернее, его первая очередь с двумя домнами, несколькими мартеновскими печами и прокатным цехом, выпускавшим пока еще ограниченное число профилей — слябы, толстое листовое железо и железнодорожные рельсы. Завод имел свой отдельный управленческий аппарат, в том числе отдел кадров.

Передо мной возникла дилемма — идти на строительство или на завод. Строительство постепенно, по мере завершения объекта, должно будет сворачиваться, рассуждал я, а металлургический завод будет все время расширяться, и возможностей для применения своих сил и способностей на заводе наверняка будет больше. Так я рассудил и на следующий день с утра направился в отдел кадров завода, которому было присвоено имя товарища Сталина. А заводской поселок стал называться городом Сталинском.

В отделе кадров мне удалось пробиться к самому начальнику со странной фамилией Бодяга. И внешний вид его соответствовал фамилии — какой-то хмурый, с густыми бровями, нависавшими над черными, как будто сверлящими собеседника глазами. Похоже было, что он собирается боднуть тебя. В действительности же Бодяга оказался на редкость внимательным и благожелательно настроенным человеком. Уже вскоре после начала нашей беседы я проникся к нему доверием и подробно рассказал, что привело меня на Кузнецкстрой.

Бодяга внимательно выслушал меня, расспросил, где и в каком качестве мне приходилось работать до этого, призывался ли я в армию, есть ли у меня родственники, где они и чем занимаются. Короче говоря, прошелся по всей моей биографии, как и положено кадровикам. Поинтересовался, разумеется, и моей партийностью. Сказал затем, что таких людей, как я, они охотно принимают на свой завод, предоставляют жилье и находят им работу по их желанию и интересам. И дал мне для заполнения бланк анкеты, попросил написать за-

явление с просьбой принять на работу и указать, чем я хотел бы заниматься на заводе.

Преодолев эту трудоемкую процедуру, я решил не темнить: рассказал Бодяге о том, что уехал из Владивостока, не снявшись с партийного учета, и почему я пошел на такое нарушение партийной дисциплины. При этом постарался представить дело в таком свете, что всему виной в данном случае явилось мое неумное стремление поработать на такой всенародной стройке, как Кузнецкстрой. Впрочем, тут я был не так уж и далек от истины. Подумав, Бодяга сказал, что этот мой поступок «может попортить мне биографию» и что по этому вопросу мне надо объясняться в горкоме партии. И тут же добавил, что собирается идти в горком по своим делам и может проводить туда меня, познакомить с инструктором.

Через каких-то полчаса мы были в городском комитете партии. Узнав, в чем состоит моя проблема, инструктор сказал, что разрешить ее может только секретарь горкома, и направился доложить ему обо мне. Секретарем горкома партии в Сталинске был в то время молодой, красивый и энергичный армянин по фамилии Хитаров, как я потом узнал, бывший комсомольский работник, культурный и образованный человек, к тому же хороший пианист, исполнявший классические произведения без нот.

Когда мы с инструктором вошли к нему, там находился и Бодяга, успешный, видимо, сказать несколько слов обо мне Хитарову, так как тот сразу же обратился ко мне с вопросом: «Как же это ты додумался пойти на такое нарушение партийной дисциплины?» Я изложил ему ту же версию, что до этого поведал Бодяге, стараясь еще больше драматизировать свое страстное, непреодолимое желание поработать на Кузнецкстрое. Похоже было, что мне удалось разжалобить секретаря, так как он, задав мне еще несколько вопросов, сказал Бодяге, чтобы тот устроил меня на работу, а на партийный учет они возьмут меня временно, пока не выяснят «обстоятельств дела» с владивостокским горкомом партии.

На работу меня определили в отдел главного механика, а там включили в состав бригады слесарей, обслуживавшей мартеновский цех. И предоставили мне койку в общежитии, в комнате, где проживали еще двое таких же молодых. Ребята оказались хорошими, и мы довольно быстро нашли общий язык. Оба они работали в прокатном цехе, и через них я впервые познакомился с этим интересным видом металлургического цикла. Они водили меня в свой цех как на экскурсию и доходчиво объясняли мне, что к чему.

Прокатное дело мне очень понравилось — впечатляюще красивое, внушительное и по-настоящему мужское. Работавшие у прокатных станов вальцовщики, ловко и как будто без особых усилий манипулировавшие огромными, раскаленными до бела кусками металла, казались какими-то жонглерами. Можно было часами любоваться их работой, так же как и работой управляемых ими «умных» машин. Этот цех, завершающий собой весь цикл металлургического производства, где по специальным транспортерам — рольгангам — бегут, как сказочные животные, еще раскаленные, но уже готовые изделия — слябы, листы, швеллера, рельсы, — мне нравился больше до-

менного или мартеновского. Именно здесь у меня появился большой интерес к металлургии.

И я решил изучить металлургический процесс досконально. Отправился в заводскую библиотеку и набрал там всякой литературы по вопросам металлургии, притащил в общежитие. Члены моей бригады дежурили в мартеновском цехе по два человека круглые сутки, а после дежурства двое суток отдыхали. Так что у меня было достаточно свободного времени и для самоподготовки, и для того, чтобы побродить по заводу, познакомиться с производством всех звеньев цикла, начиная с коксового и доменного цехов и кончая прокатным. Времени на это я не жалел и уже через короткое время получил довольно полное представление о том, что и как делается на заводе. Очень помогали мне в этом взятые в библиотеке книги и мои сожители по комнате — они имели уже опыт работы на металлургическом производстве еще в Донбассе.

Примерно через полтора или два месяца меня вызвали в горком партии к уже знакомому инструктору. Он сообщил, что в ответ на их письмо, подписанное Хитаровым, владивостокский горком партии прислал открепительный талон на меня с припиской в «сопроводилке», чтобы мне было вынесено соответствующее взыскание за нарушение партийной дисциплины. Инструктор обещал уведомить меня, когда надо будет явиться на бюро горкома за этой «наградой». Однако приглашения такого я, к счастью, так и не дождался: либо забыли про меня, либо простили. Главное, что обошлось без взыскания.

Чем дольше я работал на заводе, тем больше крепла уверенность в том, что мое решение уехать из Владивостока на Кузнецкстрой было правильным. Мне нравилось здесь все: и окружение, в котором я оказался, и моя новая работа в отделе главного механика, и сам завод в целом, являвшийся в моем представлении не только очень важным звеном в народном хозяйстве страны, но и наглядным примером строительства социализма, одним из главных, если не самым главным центром такого строительства. И я ощущал себя на заводе одним из участников этого строительства, гордился собой и своей судьбой, считал, что ради одного этого стоило жить. Тут не оставалось места никаким мыслям и рассуждениям о «своей тарелке».

С особой силой такие чувства охватывали меня, когда я смотрел на панораму завода в ночное время: над заводом стояло сплошное зарево, а под ним, в цехах, шла непрерывная работа, как сердцебиение огромного живого организма. В такие моменты мне приходила в голову мысль о том, что хотя этот организм был создан людьми и, казалось бы, должен был подчиняться человеку, он превратился теперь в самостоятельное существо, довлеющее над человеком, а порой и подчиняющее его себе, заставляющее людей «добровольно» делать многое, что необходимо ему, этому огромному роботу.

На Кузнецкстрое в то время было сосредоточено внимание не только партии и правительства, но и всей страны. На сооружение этого ключевого промышленного объекта были брошены лучшие научно-технические силы. Строительством руководил один из опытейших организаторов советского народного хозяйства, Франкфурт, которого по аналогии с немецким городом Франкфуртом-на-Майне любовно называли здесь Франкфуртом-на-Обушке —

такое имя носила небольшая речушка, протекавшая через заводской поселок. Главным инженером строительства и завода был известный академик Иван Павлович Бардин. Рядом с ним трудились такие прославленные металлурги, как профессор Казарновский, Коробов, Малинин...

Руководить вновь построенными заводскими цехами стали пришедшие с юга России выученики знаменитого не только в нашей стране, но и за ее пределами металлурга и разработчика новейших технологий в этой отрасли Курако. Среди них запомнились мне фамилии Кноблаха, Гуры, Шкляра. Пришло и много других, также крупных специалистов металлургического производства, имена которых либо выветрились из моей памяти, либо я их просто не знал.

А разве можно списывать со счетов десятки видных специалистов различных профилей, оказавшихся на Кузнецкстрое не по своей воле — осужденных на длительные сроки за какие-то преступления, чаще всего вымышленные, высосанные из пальца, и затем присланных на строительство в Сибирь «отрабатывать» свои грехи. Многие из них занимали руководящие должности на строительстве и на заводе. В отличие от вольнонаемных они обязаны были придерживаться специального режима и выполнять унизительную процедуру еженедельной отметки в местном отделении ГПУ. Словом, находились под постоянным надзором этой организации. (Я что-то не помню, как обстояло дело с их заработной платой, — получали они ее в полной мере или в ограниченной).

Прошло уже не меньше семи или восьми месяцев с тех пор, как я оказался на Кузнецкстрое, и тут произошло важное событие: Франкфурта отозвали в Москву и вскоре назначили начальником какого-то нового, не менее важного строительства. А вместо него прислали в Сталинск с одного из южных заводов России Константина Ивановича Бутенко — молодого, красивого и складно шитого интеллигентного украинца. И, как водилось в таких случаях, привез он с собой на Кузнецкстрой с прежней работы целую группу специалистов, своих однокашников, и начал расставлять их на ключевые посты на строительстве и на заводе. А прежних работников переводил на другие, менее ответственные должности или отправлял в распоряжение Наркомата тяжелой промышленности за получением новых назначений. Начал заводить, естественно, и новые порядки, которые многим, по крайней мере на первых порах, не нравились, казались нерациональными, а скорее всего, просто непривычными. Заметно омолодился и административно-технический аппарат завода.

Примерно в это же время и в моей производственной карьере произошло существенное изменение. В период моей работы в отделе главного механика мне неоднократно приходилось встречаться с начальником отдела кадров Бодягой — то в нашем отделе, куда он частенько заглядывал, то в каком-нибудь из цехов, по которым я любил бродить, и он всегда узнавал меня и перекидывался несколькими, ничего не значащими фразами: то спросит, чего это я забрел «не в свой огород», то поинтересуется, как идут у меня дела на работе, доволен ли я ею, или что-либо еще в этом же роде. А при последней встрече поздравил меня с тем, что наконец-то благополучно разрешился вопрос с моим партийным учетом. И я невольно подумал тогда, что

Бодяга — опытный кадровик, внимательно следит за делами своих подопечных, даже рядовых.

И вдруг, уже после приезда на завод Бутенко, меня вызывают зачем-то в отдел кадров, к начальнику. Я был, конечно, озадачен этим вызовом. Бодяга начал разговор со мной издалека — снова расспрашивал, где я учился, когда и чему научился, не приходилось ли мне заниматься хозяйственной или коммерческой деятельностью, интересует ли меня такого рода работа. А затем стал рассказывать о том, что многие должности на заводе, в том числе ответственные, занимают люди, осужденные за совершенные ими ранее преступления против советского государства и советского народа, и что это вызывается тем, что эти люди являются крупными специалистами, в которых испытывают острую нужду и строительство, и завод. Но что на них полностью полагаться нельзя, их работу надо контролировать.

Один из таких спецов, Иоффе, продолжал Бодяга, возглавляет Коммерческое управление завода, занимающееся материально-техническим обеспечением предприятия и сбытом готовой продукции. Он подобрал себе под стать и двух заместителей, которые тоже не вызывают у руководства завода большого доверия. По указанию директора завода, сказал Бодяга, эти заместители переводятся на другую работу, а на их место велено подобрать молодых, инициативных и энергичных коммунистов, которые могли бы, работая с Иоффе, перенять его большой опыт, научиться у него тому, чему следует учиться.

Одного такого работника, Александрова, мы уже выбрали, сказал Бодяга, он назначен заместителем начальника Коммерческого управления и будет непосредственно отвечать за материально-техническое снабжение завода. А в качестве другого заместителя, заключил Бодяга, я хотел бы предложить директору тебя, с тем чтобы ты отвечал за сбыт готовой продукции завода, если, конечно, ты не будешь возражать против такого предложения. На размышления кадровый начальник дал мне всего одни сутки, я должен был явиться к нему с ответом на следующий день.

Вот так задача, с кем же мне ее решать? Таких друзей, с которыми я мог бы посоветоваться по этому важному вопросу, на заводе у меня еще не было, пришлось принимать решение самому, на свой страх и риск. И я решил попробовать себя в новом качестве, на незнакомой мне стезе, а не получится — так можно будет вернуться на прежнюю работу в отдел главного механика, она от меня никуда не убежит. И на следующий день я принес Бодяге свое согласие. Он похвалил меня за «правильное решение» и сказал, чтобы я возвращался на свою работу и пока на эту тему ни с кем не говорил. А тем временем он договорится с директором о том, когда можно будет показать ему меня.

На встречу с директором я шел с большим волнением не только потому, что это будет моя первая встреча с таким высоким начальством, но еще и потому, что боялся — а вдруг я не «покажусь» ему. Странно, но я уже успел так привыкнуть к своему предполагаемому назначению, что мне было бы очень обидно, если бы оно почему-то не состоялось.

Бутенко сразу же мне понравился своей человеческой простотой, неторопливостью и умением слушать собеседника не перебивая. Ознакомившись при

мне с переданной ему Бодягой справкой-анкетой, директор, глядя на меня в упор, задал несколько вопросов, касавшихся моего прошлого, а затем медленно, своим басовитым голосом сказал примерно следующее: «Вот начальник кадров предлагает назначить вас заведующим отделом сбыта готовой продукции в Коммерческом управлении. В этом деле у нас, видимо, нет должного порядка — металл отправляют не по разрядке Стальсбыта, которую нам присылают из Москвы и которой мы должны руководствоваться, а по каким-то иным соображениям. Да и за качеством отправляемой продукции не следят. Я работаю на заводе недавно, но уже за это короткое время успел получить целую кучу телеграмм от директоров крупных строек и заводов, в которых они жалуются в одних случаях на задержку с поставкой им нашей продукции, в других — на ее некондиционность, что срывает выполнение ими государственных планов по строительству и производству. Это совершенно недопустимо, нельзя ронять марку нашего завода. Надо коренным образом менять эту порочную практику. Справитесь вы с этой задачей?»

Я чистосердечно ответил, что не знаю, но приложу все усилия к тому, чтобы оправдать высокое доверие, если оно будет мне оказано. «Хорошо, — сказал директор, — но учтите, что идя на такой рискованный эксперимент, мы надеемся, что вы сумеете завоевать доверие у своего будущего шефа и перенять у него тот огромный опыт в коммерческом деле, каким он обладает. Мы не можем быть уверены в таких людях, как Иоффе, и поэтому обязаны поскорее готовить своих, молодых и преданных советской власти специалистов». И, приподнявшись с кресла, подал мне руку, давая понять, что вопрос решен и аудиенция закончена. Последние, напутственные слова директора взволновали меня до такой степени, что я растерялся и забыл даже поблагодарить его. Вышел я от него окрыленным и полным решимости во что бы то ни стало оправдать оказанное мне столь высокое доверие.

На следующий день, когда приказ о моем назначении был уже подписан директором завода, Бодяга повел меня представлять начальнику Коммерческого управления. До этого я с ним не встречался, хотя Иоффе уже знал, что ему «сосватан» новый заместитель по сбыту, так как прежний сбытовик был уже освобожден от этой должности и оформлялся на какую-то другую работу.

Иоффе был подчеркнуто любезен и с Бодягой, и со мной, хотя нетрудно было заметить, что он обижен тем, что меня показывают ему уже после подписания приказа о моем назначении. Понять его было можно, ведь это была явная и ничем не оправданная бестактность со стороны кадровиков: «принесли ему kota в мешке», как бы подчеркивая тем самым, что в этом вопросе его мнение никого не интересует. И хотя Иоффе никаких замечаний по этому поводу не высказывал, для меня это имело определенные отрицательные последствия — отношение его ко мне в течение длительного времени хотя и было вполне корректным и подчеркнуто вежливым, оставалось каким-то настороженным, далеким от доверительного, как это должно было быть между начальником и его заместителем. Мне понадобилось немало времени и усилий для того, чтобы завоевать его доверие. Короче говоря, кадровики перестарались и вольно или невольно «подложили мне свинью».

Иоффе производил впечатление интеллигентного человека старой закалки. И внешне выглядел очень внушительно — высокий, солидный, с холемым, чисто выбритым лицом, густыми черными с проседью волосами и умными серыми глазами. Лет ему было не больше пятидесяти. Говорил он с чуть заметной картавникой, придававшей ему какую-то дополнительную, трудно уловимую приятность. Своей внешностью Иоффе вполне соответствовал сложившемуся у меня представлению о «спецах» старой школы, какими они изображались в нашей тогдашней печати и в кино.

Со своими подчиненными Иоффе был предельно вежлив, никогда в разговорах с ними не повышал голоса, но и не заискивал перед ними, держал себя как начальник. А вот в разговоре со мной делал почему-то исключение, как бы советовался. А мне это было очень неприятно — я не мог понять, то ли он опасается меня, то ли тонко издевается, хорошо зная, что в таких делах я полный профан, ни в чем еще не разбираюсь, а он, видите ли, советует.

Я как-то в вежливой форме — я всегда старался быть с ним предельно вежливым — спросил его, зачем он со мной советуется, ведь я как советчик ничем ему пока не могу быть полезен. Иоффе, видимо, оценил мою скромность и сказал, что делает это вполне сознательно, полагая, что его обращения ко мне за советами будут повышать мою ответственность и ускорят мое вхождение в курс дел. Тут мне возразить было нечем.

На моей прежней работе, в отделе главного механика, все были очень удивлены таким необычным скачком по служебной лестнице — с должности скромного слесаря на пост заместителя одного из крупных управлений завода — и, по-видимому, приписывали это какой-то «мохнатой руке», тащившей меня вверх. На устроенных в отделе товарищеских проводах один из моих коллег, находившийся навеселе, напрямую спросил меня, не состою ли я в родстве с новым директором завода.

Удивлялись этому не только в отделе главного механика, но, видимо, и в других местах заводоуправления — ведь я был тогда почти никому неизвестным, малозаметным работягой, да к тому же еще и молодым. И так же, как когда-то в Дальгосрыбтресте, когда меня выдвинули в профсоюзные «вожди», стали и здесь, на Кузнецкстрое, задавать мне каверзные провокационные вопросы, вроде того, где мне раньше приходилось заниматься коммерческими и, в частности, сбытовыми делами, на каких аналогичных предприятиях довелось мне трудиться до этого и тому подобное. Мне, конечно, эти вопросы были неприятны, и я старался, ответив что-нибудь невнятное, поскорее уйти от таких собеседников.

Бутенко ввел в практику проведение у себя в кабинете еженедельных производственных совещаний, на которых обсуждались различные вопросы, начиная от положения дел в цехах и кончая вопросами отгрузки с завода готовой продукции. Приглашались на эти совещания в основном начальники цехов и управлений. Но для нас с Александровым, ведавшим вопросами материально-технического снабжения, делалось исключение, видимо, не только потому, что мы были новыми назначенцами директора, но главным образом из-

за того, что руководители цехов, оправдываясь перед директором за свои недоделки или ошибки, все время пытались свалить вину на плохое снабжение необходимыми материалами.

А в отношении меня объяснение заключалось, видимо, в том, что у директора всегда имелась пачка телеграмм, в которых различные стройки и предприятия жаловались либо на несвоевременную поставку им нашего металла, либо на плохое его качество. Бросалось, однако, в глаза, что по поводу таких претензий Бутенко обращался не ко мне непосредственно, а к Иоффе как начальнику Коммерческого управления, куда входил и отдел сбыта, считая, видимо, что я еще «не созрел» для такой ответственности, щадил меня, а мне это было обидно. Иоффе же никогда не пытался свалить вину или хотя бы часть ее за те или иные огрехи в нашей сбытовой работе на меня, а обычно сам старался объяснить, чем они вызваны. Но я-то отлично понимал, что критика директора направлена в мой адрес, как человека, непосредственно отвечающего за сбыт продукции. И, разумеется, делал из этого соответствующие выводы.

Что касалось несвоевременной поставки нашей продукции потребителям, то тут мне было все понятно: Иоффе не очень считался с планами отгрузки, предписанными заводу Стальсбыта, и часто давал указания об отгрузке металла в первую очередь тем предприятиям и стройкам, с руководителями которых он был хорошо знаком по своей прежней работе — они слали слезные телеграммы ему непосредственно, а он не хотел, видимо, терять с ними старую дружбу и старался удовлетворять их просьбы. Правда, свои такого рода указания Иоффе «согласовывал» со мной, как заведующим отделом сбыта, всегда находя для них какие-либо веские доводы, оспаривать которые я был не в состоянии из-за отсутствия у меня контраргументов — да и откуда им было взяться?

Однако после неоднократных замечаний на этот счет со стороны директора я решил не идти на поводу у Иоффе и более твердо настаивать на соблюдении разрядок Стальсбыта. В какой-то степени мне это удавалось, но полностью исключить такие нарушения я так и не смог, так как Иоффе часто старался согласовывать их предварительно с курировавшим работу Коммерческого управления заместителем директора Краскиным, дружившим с Иоффе и во всем его поддерживавшим. Я знал об их дружбе со слов Бодяги и отдавал себе отчет в том, что эта компания мне «не по зубам», что лучше с ними не ссориться. Хватило у меня сообразительности и на то, чтобы не жаловаться на них директору.

Сложнее обстояло дело с некондиционностью нашей продукции, на что жаловались в своих телеграммах многие ее потребители. Дело в том, что недавно введенные в строй новые доменные печи все еще переживали свой пусковой период, и руководителям доменного цеха было пока не до качества продукции, а хотелось поскорее выйти на проектную мощность по количественным показателям. И поэтому гнали вал, а борьбу за качество откладывали на потом. А пока поставляли мартеновскому цеху чугун с повышенным содержанием серы, фосфора и других нежелательных элементов, от которых, как мне объясняли, и мартеновцы не могли полностью избавиться. Отсюда и неконди-

ционность продукции завода — и чугуна, и проката. А что я мог предпринять в этом сложном деле, в котором еще совсем не разбирался?

На помощь пришел хорошо относившийся ко мне заместитель начальника прокатного цеха Гура. Он просветил меня, как мог, в этих вопросах и порекомендовал поговорить с доменщиками, а доменщиков, не задираясь, а как бы посоветоваться с ними о том, как избавиться от назойливых жалоб на нашу продукцию со стороны ее потребителей.

И я начал свои хождения сначала на разбросанный на огромной открытой территории так называемый склад готовой продукции, большая часть которой, как мне объяснили, была некондиционной. Затем начал «обхаживать» доменщиков, советоваться с ними. Не остался без моего внимания и шихтовый двор, где готовилась «заправка» для доменных печей, — на них именно и пытались свалить всю вину доменщики.

Я далек от мысли, что мои хождения по цехам и переговоры с их работниками оказали на них «вразумляющее воздействие», заставившее их «перестраиваться», но факт остается фактом: прошло не так уж много времени, и продукция доменного цеха, а следовательно, и мартеновского с прокатным стала более качественной. Скорее всего, произошло это естественным путем из-за общего улучшения работы цехов по истечении пускового периода. К тому же и у работников этих цехов была своя производственная гордость, но мне, признаюсь, очень хотелось тогда думать, что мои усилия не остались бесплодными.

Хочу вернуться немного назад, к тому времени, когда я был неожиданно назначен заместителем начальника Коммерческого управления. Я тогда был во многом еще совершенно неискушенным человеком, и мне казалось, что мой переход в «новое качество» означал лишь увеличение возложенной на меня ответственности за порученное дело и, как следствие, повышение моей заработной платы. Заметной привилегией моего нового положения являлась открывшаяся передо мной возможность общения с более видными и влиятельными людьми на заводе, вплоть до самого директора и главного инженера, что — не буду кривить душой — приятно щекотало мое самолюбие, нравилось мне. В самом деле, разве можно было спокойно переносить такую честь, как телефонный звонок ко мне самого академика Бардина или директора Бутенко, а такое случалось и нередко, когда кому-либо из них нужна была срочная справка об отгрузке металла тому или иному потребителю. Однако о других каких-либо привилегиях для себя я даже не помышлял, вернее, понятия о них не имел. Но они посыпались на меня как из рога изобилия. Я уж не говорю о том, что меня поместили в отдельный служебный кабинет с личным телефоном — такое у меня уже было однажды, когда я оказался на посту председателя месткома в Дальгосрыбтресте.

На следующий день после моего назначения ко мне в кабинет зашла незнакомая девушка, сказала, что ее зовут Валей, и сообщила, что она является секретарем начальника Управления и что в ее обязанности входит также обслуживание и заведующего отделом сбыта. (Мой служебный кабинет нахо-

дился рядом с кабинетом Иоффе, а секретарша сидела в его приемной комнате). В чем должно было заключаться это «обслуживание», я понял не сразу, но спросить у Вали постеснялся — подумает еще, какой увалень. Постепенно все прояснилось само собой: через несколько дней она снова появилась и сказала, что за моим предшественником на этой должности была закреплена лошадь с коляской и что теперь этим персональным транспортом могу пользоваться я как для служебных, так и для личных целей. Добавила при этом, что мой извозчик все время дежурит на специальной площадке около заводоуправления вместе с другими извозчиками и что она может показать его мне в любое удобное для меня время. Я понимающе кивнул и поблагодарил Валентину за сообщение, хотя толком не знал еще, когда и куда придется мне ездить на этом транспорте. А спустя какое-то время та же фея принесла мне пропуск в ИТРовскую столовую и объяснила, что столовая эта находится на другой стороне завода, на так называемой Верхней колонии, и что туда надо добираться на коляске через туннель под территорией завода. Тут же вручила мне и пропуск в специальный магазин-распределитель и клуб «для ответственных работников», которыми, пояснила она, могут пользоваться и члены моей семьи. Все это было для меня ново, такими привилегиями я никогда еще не пользовался. Но надо было, видимо, привыкать и к этому, «взялся за гуж — не говори, что не дюж».

Но это еще не все. Не прошло и двух недель со времени превращения меня в «большого начальника», как мне позвонил по телефону сам заведующий жилищным отделом завода, представился и сказал нечто вроде этого: «Дмитрий Федорович (моя фамилия, имя и отчество попали уже в оперативно меняющийся заводской телефонный справочник), мне стало известно, что вы до сих пор живете в общежитии в коммунальной комнате. Для работников вашего уровня это негоже. У нас на Нижней колонии в ближайшее время вводится в строй новый четырехэтажный дом для инженерно-технических работников, со всеми удобствами. Я могу зарезервировать для вас в этом доме большую комнату — вы ведь сейчас без семьи? — если вас это устроит. А если нет, то могу предложить двухкомнатную квартиру в старом, уже обжитом доме на Верхней колонии. Посмотреть жилье можете в любое время, стоит только позвонить мне и я направлю к вам нашего работника». Вот так и начиналось мое просвещение. И до меня стало доходить, что быть начальником — это не только повышенная ответственность и большой оклад, но много еще кое-чего другого. И именно это самое «другое», наверное, больше всего и привлекает охотников за высокими постами.

Наркомат черной металлургии «спускал» заводу в конце каждого года планы по выплавке чугуна, стали и проката на следующий год, но планы эти содержали лишь «вал». А определение ассортимента продукции и ее получателей — какой металл, какому предприятию или строительству и в какие сроки завод-производитель должен поставить — этим занималась другая государственная организация, Стальсбыт. Так вот, этот самый Стальсбыт проводил, обычно осенью, так называемые съезды прокатчиков, на которые приглаша-

лись представители заводов-производителей, и с ними согласовывались все эти вопросы. Считалось, что согласованные со Стальсбытом планы являются обязательными для заводов-производителей, хотя последние часто нарушали их, находя различные причины. На ежегодные съезды прокатчиков должен был ездить, в соответствии со своими знаниями и положением, начальник Коммерческого управления Иоффе, но он был «невъездным», а, может, и еще по каким-то соображениям его туда не посылали. Вместо него в Москву ездил заведующий отделом сбыта. Эта честь выпала и на мою долю — пару раз представлять завод на съезде довелось мне.

Я, разумеется, очень гордился этим и чувствовал всю важность такого поручения, всеми силами стараясь выполнить его как можно качественнее и не допустить каких-либо промахов. И в самом деле, можно ли было мне, молодому и по опыту, и по возрасту работнику, не гордиться этим поручением и воспринимать его хладнокровно! «Вооружался» я для этих съездов, как мне казалось, очень основательно: не только получал инструкции от своих непосредственных начальников, Краскина и Иоффе, но и советовался и с начальником производственного отдела, и с начальниками основных цехов, и с опытными работниками своего отдела. Я уж не говорю о том, что самые важные для меня наставления и указания я получал перед отъездом от главного инженера Бардина и директора завода Бутенко — они были для меня директивами, от которых я не смел отступать ни при каких обстоятельствах. И тут я стоял, что называется, насмерть. Работавшие со мной сотрудники Стальсбыта, по-видимому, правильно оценили мою несгибаемость в этих вопросах и вынуждены были идти мне навстречу. Почему-то в основном это были молодые женщины, с которыми у меня установились отличные отношения. Кстати, они были и моими первыми экскурсоводами по Москве, познакопившими меня не только с ее достопримечательностями, музеями и театрами, но и со столичными ресторанами. А денег на это у меня было более чем достаточно — на заводе некуда было тратить мою высокую зарплату, да и потребности мои были тогда не столь велики, ведь я был один, без семьи.

В тот период, когда я работал заместителем начальника Коммерческого управления и ведал вопросами сбыта готовой продукции завода, мне казалось, что лучшей судьбы и придумать трудно — всем я был доволен, особенно нравилась мне живая, не дававшая дремать работа. И то, что работал я не в каком-то там второстепенном учреждении или предприятии, а на К у з н е ц к - с т р о е , Кузнецком металлургическом заводе, заводе-гиганте, гордости советской социалистической индустрии! Иной раз, когда я задумывался над этими вопросами, глядя с гордостью на величественную ночную панораму завода, мысли мои заносили меня так далеко, что трудно было и поверить в возможность их осуществления. Мне приходило в голову, например, что когда-нибудь моя непредсказуемая проказница-судьба забросит меня в одну из крупных капиталистических стран, где я как представитель Советского Союза буду торговать великолепной продукцией нашей металлургической промышленности. Мечты эти так и остались мечтами, не сбылись, хотя представлять

Советский Союз за рубежом мне все же довелось, правда, в несколько ином качестве. Но об этом — в моей другой книге «А дуги гнут с терпением...»

Работников в отделе сбыта было немного, около десяти человек, из них половина осужденных, находившихся под надзором ОГПУ. Но народу в отделе всегда было много за счет посетителей, главным образом «толкачей» от разных заводов и строек — все хотели как-то «протолкнуть» выполнение своих нарядов на получение чугуна или проката с нашего завода. А они систематически не выполнялись то из-за отсутствия нужного профиля, то из-за неподачи вагонов, а то и по другим причинам, о которых уже говорилось выше. И заведующий отделом сбыта тут был бессилён — все исходило от руководства завода.

Уже с утра, когда я приходил на работу, меня сразу же обступали «толкачи», надо было всем им объяснить ситуацию, чем-то помочь, если это было в моих силах. Я старался обходиться с этим народом корректно, понимая их положение, и рисовал им вполне реальную картину, без ложных обещаний.

Среди этих людей был и представитель Путиловского завода, из Ленинграда, Михаил Михайлович Пассинский, приходивший в отдел как к себе на работу, с самого утра, и находившийся в приемной до конца рабочего дня. Перезнакомился он со всеми работниками отдела, а с женщинами был настоящим дамским угодником — то конфетами их угощал, то одаривал сувенирами, предусмотрительно прихваченными из Ленинграда, то провожал кого-нибудь из них домой после работы. Одним словом, был «обходительным мужчиной» и пользовался успехом у женщин. Лет ему было где-то около тридцати, не больше, он был красив и строен, с черной волнистой шевелюрой и карими глазами. Но что особенно привлекало к нему женщин, так это его неиссякаемое остроумие и обаятельный голос, к тому же он неплохо пел, как я узнал впоследствии.

Пассинский и у меня вызывал определенную симпатию своей общей культурой и рассудительностью, с ним приятно было беседовать на любые темы. В отличие от других «толкачей», своими просьбами мне он не надоедал, они мне были известны, и уже за одно это я его как-то зауважал. Я так подробно останавливаюсь на этом «толкаче» потому, что он, Пассинский, сыграл в моей личной жизни очень важную роль.

В один из теплых весенних дней я, отпустив своего возницу, пошел домой пешком. Поджидавший меня при выходе Пассинский сказал, что собирается возвращаться в Ленинград и хотел бы поговорить со мной перед отъездом. И мы пошли вместе до моего дома, разговаривая не только о том, что привело его на Кузнецкстрой, но и о знаменитом Путиловском заводе, где он работал начальником одного из цехов, о Ленинграде, о его семье. Я также рассказал ему, что когда-то жил и работал в Ленинграде, что один из моих братьев живет там и сейчас и до последнего времени работал на Путиловском заводе, хотя ни в каком цехе, ни в каком качестве — я не знал. Пассинский обещал разыскать его и передать от меня привет, если я не возражаю.

Незаметно подошли к моему дому и я пригласил его к себе попить чайку — захотелось продолжить общение с интересным человеком. Я уже давно жил в

благоустроенном доме для инженерно-технических работников завода, занимал на третьем этаже большую, метров 20 с лишним, светлую меблированную комнату. И уже вполне обжился в ней, обзавелся необходимой посудой, модным по тем временам электрическим чайником и еще кое-какими предметами, облегчающими и украшающими наш быт. На первом этаже этого же дома находился большой продовольственный магазин, что намного упрощало заботы жильцов о пропитании — всегда можно было купить все необходимое для завтрака, ужина или чая. Дома у меня нашлась бутылочка виноградного вина, и мы с Михаилом Михайловичем с удовольствием ее «усидели», перейдя затем к чаепитию.

Беседа наша была неторопливой и затянулась до полуночи. И касались мы в ней самых различных тем. Для Пассинского, как он признался, оказалось откровением то, что я, занимая такой ответственный по масштабам завода пост, не имею никакого специального образования и что за плечами у меня только школа-семилетка и вечерний рабфак. Он был первым человеком, который откровенно и убежденно сказал мне, что с таким образовательным багажом я далеко не уйду и что в недалеком будущем меня ожидает неизбежный тупик. В наше время, подчеркнул он, удержаться на более или менее ответственной должности, да еще на таком современном заводе без высшего специального образования очень трудно, практически невозможно.

Эти откровенные высказывания не зависящего от меня человека, с которым, возможно, никогда больше и встретиться не придется, крепко запали мне в душу и впервые заставили всерьез задуматься над вопросом о моем образовании.

О своей главной проблеме, из-за которой он приехал в Сталинск, Пассинский заговорил лишь перед уходом и то как-то застенчиво, как будто в чем-то передо мной провинился: «Дмитрий Федорович, извините меня за назойливость, но я хотел бы попросить вас взять под свой контроль выполнение наряда Путиловского завода — ведь эту марочную сталь мы получаем только от вашего завода, а без нее мы не можем выполнить ответственный военный заказ». И все, больше ни слова. Я, конечно, обещал ему сделать это. Расстались мы с Михаилом Михайловичем как давнишние знакомые. Пожалели лишь о том, что так поздно по-настоящему разговорились, упустили много времени. На следующий день он уехал в Ленинград.

Примерно в то же время, где-то в самом конце 1934 года, на завод приехала большая группа запрошенных директором Бутенко выпускников одного из украинских институтов, кажется, Днепропетровского. Молодые специалисты были определены на довольно видные и ответственные участки в цехах и в заводоуправлении. Поселили их в нашем ИТРовском доме, и с некоторыми из них я близко сошелся, часто вместе ходили в кино, проводили у кого-нибудь посиделки, обсуждали разные вопросы, связанные с работой завода, спорили. Ребята оказались веселыми и неглупыми, с ними было интересно. Некоторые из них были уже женатыми и приехали в Сталинск с женами. И что еще важнее — это их хорошая, как мне казалось, теоретическая подготовка. Они свободно оперировали различными специальными терминами из области метал-

лургии и других отраслей промышленности, в беседах часто прибегали к помощи логарифмических линеек, имевшихся почти у каждого в боковом кармане пиджака. Короче говоря, производили впечатление хорошо теоретически подкованных специалистов. Глядя на них и слушая их, я невольно вспоминал слова Пассинского, сказанные им в нашей последней беседе, что без специального высшего образования меня ждет на заводе «неизбежный тупик». И снова подступали назойливые мысли: надо поскорее, пока еще не поздно, «переводить стрелку».

И решил я основательно взяться за подготовку к поступлению в хороший технический вуз. И уже наметил такой – Московский институт стали. А это было уже полдела, ведь я себя хорошо знал – если что задумал, то на полпути не остановлюсь, обязательно постараюсь осуществить свою задумку. Добыл у кого-то из молодых специалистов программу требований при поступлении в технический вуз, набрал в заводской библиотеке необходимых учебников и засел за подготовку по основным дисциплинам – физике, химии и математике. Ведь прошло уже более семи лет с тех пор, как я не сталкивался с ними вплотную, многое подзабылось.

Но что удивительно – стоило мне только приступить к осуществлению своей новой идеи, как она все больше и больше захватывала меня: я уже перестал отвлекаться на другие дела, не имевшие непосредственного отношения к моей идее, а все свободное время отдавал подготовке к поступлению в институт. Часто засиживался за учебниками до полуночи, а то и позже, особенно накануне выходных. И надо сказать, что дела на этом фронте пошли более успешно, чем можно было ожидать. В таком напряженном рабочем режиме застала меня осень 1935 года.

Неожиданно этот режим был нарушен двумя событиями. Первое – на заводе снова появился Пассинский, с которым мы встретились как старые друзья. На этот раз он привез новый наряд на поставку Путиловскому заводу большого количества легированной стали особо высокого качества, предназначенной для выполнения очень ответственного военного заказа. Пассинского же направили к нам теперь не столько в качестве «толкача», сколько как приемщика стали. Заказ был сверхсрочный, с жестким графиком отгрузки, и контроль за его исполнением возлагался министерством на директора завода Бутенко лично. Мы с Михаилом Михайловичем встречались теперь почти каждый день и многие вечера проводили вместе, ходили в театр, кино, сидели у меня дома. Так что на мою самоподготовку оставалось не так уж много времени. Пассинского я, конечно, посвятил в свои намерения поступить в Институт стали, и он полностью поддержал меня в этом.

Однажды, когда Пассинский зашел вечером ко мне домой, мы вышли на коридорный балкон дома «подышать воздухом». Там в это время стояла, опершись на перила, девушка лет двадцати – двадцати двух, и Михаил Михайлович, человек более опытный в таких делах, чем я, тут же завел с нею разговор и представил ей меня как своего друга. Звали ее Надей, Надеждой, что Пассинский не преминул умело обыграть, как какую-то для нас надежду на благоприятное и интересное развитие нашего знакомства.

Я уж не помню сейчас, о чем мы тогда говорили с нашей новой знакомой, но в результате узнали, что работает она в заводууправлении в архитектурной группе проектного отдела чертежницей, а живет в этом же доме, где и я, в комнате с двумя девушками, что у них есть гитара и что все они любят петь и танцевать. Мы поспешили отметить и свою приверженность к этим видам искусства и попросили разрешения как-нибудь навестить их. Несколько раз заходили к Наде в комнату, познакомились с ее сожительницами, оказавшимися тоже неплохими для компании девчонками, не занудистыми, хотя и уступавшими во многом Наде, какими-то серенькими. Слушали их игру на гитаре, под которую Михаил отлично исполнял русские песни и романсы, – девчонки были в восторге от его пения, – разговаривали обо всем на свете, шутили, рассказывали анекдоты, которых у моего приятеля был неисчерпаемый запас. Пару раз сводили всех их в кино.

А как-то после таких посиделок пошли пить чай ко мне как обладателю довольно редкой в те годы на Кузнецкстрое новинки – электрического чайника. Нашлась и бутылочка вина, так что было очень весело. Гости засиделись у меня допоздна, а когда девочки ушли, Михаил завел со мной следующий разговор: «А знаешь, Дмитрий Федорович, – он только так называл меня, официально, – мне Надежда все больше начинает нравиться: интересная, неглупая и в то же время скромная девушка. Я бы с удовольствием приударил за ней, но у меня ведь есть и своя замечательная жена, и тоже, кстати, Надежда. А вот на твоём месте я бы по-серьёзному занялся ею. Подумай над этим, сколько же можно тебе холостяковать». И хотя мы еще потрепались с ним на эту тему, в тот вечер я как-то не придавал значения его высказываниям.

Но с тех пор при каждой встрече с Надеей я стал присматриваться к ней с какой-то еще не вполне сформировавшейся «задней мыслью» и находил в ней все новые и новые достоинства или приятные черты. А, может, мне просто хотелось находить их после разговора с Михаилом, не знаю. Похоже, что и мне все больше стала нравиться эта статная сибирская дивчина с открытым приятным лицом и добрыми бесхитростными глазами. Особенно ее простая, скромная улыбка с небольшими ямочками на розовых щеках.

А «задняя» мысль стала принимать все более отчетливое, я бы даже сказал, конкретное очертание после того, как у нас с Михаилом произошел обстоятельный разговор о том, не посвататься ли мне к Надежде, возможно, она именно и есть та самая женщина, с которой мне на роду написано связать свою жизнь надолго, а может, и навсегда. А как же с учебой? Поставить на ней крест? И снова Миша Пассинский, мой главный и единственный советчик: а почему крест? Разве Надежде вредно будет тоже подучиться, получить какую-нибудь более фундаментальную специальность? И в самом деле, это будет даже лучше – учиться вдвоем! Короче говоря, дело шло к тому, что мне надо сперва жениться, а уж затем можно будет и учиться.

Остановка была за небольшим – согласится ли Надя связать свою судьбу с моей? Над этим мы с Михаилом как-то не задумывались, не знаю, почему: то ли были уверены в «неотразимости» жениха, то ли еще по какой-то причине. Жених-то и в самом деле был не так уж плох: и по возрасту всего на каких-то

три — четыре года старше намечаемой невесты, и по служебному положению не совсем уж рядовой. Ну, а что касается внешнего вида, то, как говорится, с лица воду не пить, был бы мужик хороший. И все же решили, на всякий случай, подстраховаться: сначала Михаил прозондировал почву и нашел ее обнадеживающей, а затем уж и я сделал Наде предложение.

В то время я не знал, что у Надежды и без меня были неплохие женихи, неплохие по многим параметрам, а по некоторым явно превосходили меня — с высшим образованием, с хорошими специальностями и служебным положением. Знаю я это, может, и не осмелился бы состязаться с ними. Но, как часто бывает, удача приходит к нам из-за нашего неведения: Надежда почему-то предпочла меня, а почему — в этом мне разбираться было незачем, и она ничего тогда об этом мне не говорила.

А позднее, поближе к старости, когда людей все больше тянет к воспоминаниям и располагает к откровенности, призналась, что понравился я ей прежде всего своей «хозяйственной обстоятельностью и аккуратностью». И эти качества усмотрела она, в частности, в том, что будучи еще холостяком, я умел готовить не только компот, которым ограничивались ее познания в кулинарии, но и всякие супы, борщ и многие другие вкусные вещи. А главное, что у меня уже тогда были такие «высокопроизводительные агрегаты», как электрический чайник, электрический утюг и даже электрическая кастрюля-сковорода, что не во многих семьях, по крайней мере в Сибири, можно было увидеть. Что же касается аккуратности, то об этом она судила по тому, как я подметал в комнате, накрывал на стол, мыл посуду и убирал продукты. Вот такие откровения. О других мотивах своего решения она мне никогда не рассказывала, скорее всего, из-за своей врожденной застенчивости, граничившей с целомудрием.

Получив согласие Надежды, я предложил ей сразу же отправиться в загс, но она сходу отвергла это предложение: ей хотелось сначала показать меня своей родне. И никакие мои уговоры, что-де на смотрины можно будет съездить и после регистрации брака, не имели успеха. Пришлось с этим единственным условием невесты согласиться. Родни же у моей невесты, как выяснилось, было навалом, одних братьев и сестер насчитывалось аж десять. Но близости от завода, через реку Томь, в небольшом старинном городке Старо-Кузнецке, по имени которого и была названа новостройка Кузнецкстроем, жили только две ее старшие сестры со своими семьями. Одна из сестер считалась опекушкой Надежды после ранней смерти их родителей: у нее она жила и воспитывалась до поступления на завод.

В ближайший выходной мы с моей избранницей и отправились за Томь к ее родне. Начали, естественно, с ее опекушки, сестры Анны, а затем перебрались к другой, Вере. К ним подтянулась и остальная, жившая в этом же городке родня — дядя, тетки, целая куча двоюродных и троюродных братьев и сестер, не говоря уже о более дальних отпрысках клана Ушаковых и подругах невесты: всем не терпелось посмотреть, какого «орла» отхватила их Надюшка. А она, похоже было, котировалась у них как одна из «первосортных» невест.

Принимали нас очень хорошо — внимательно, приветливо и по-сибирски хлебосольно, подвергая жениха всевозможным «испытаниям»: и пельменями,

и тройной ухой, и разными видами рыбных яств, и, конечно же, всякого рода напитками. Родня Надина — я имею в виду взрослых — мне понравилась своей простотой и открытостью, а особенно ненапускной веселостью. Сдавалось мне, что и я им «показался», по крайней мере, хотелось так думать.

В один из зимних солнечных и морозных дней, когда в заводоуправлении был обеденный перерыв, мы с Надей, не говоря никому ни слова, уселись в мой «мерседес в одну лошадиную силу» — подавали мне, по служебному положению, одноконные сани — и отправились в городской загс. Предъявили принимавшей нас там женщине свои документы, сказали, что мы любим друг друга и попросили зарегистрировать наш брак побыстрее, так как кончается обеденный перерыв. Что и было учинено в считанные минуты.

Возвратились мы в заводоуправление еще до окончания обеденного перерыва и почему-то никому не рассказали о том, какое важное событие произошло в нашей жизни. А после работы, вечером, собрались у меня в комнате четвером — мы, молодожены, и Миша Пассинский с Надиной подругой Аней — и втихаря отпраздновали нашу свадьбу. А почему мы вели себя так по-чуждому скромно, я и сейчас толком объяснить не могу: то ли чего-то стеснялись, то ли были еще глупыми, ведь женились-то в первый раз, опыта еще никакого не было.

Это случилось 3 декабря 1935 года.

Забегая вперед, скажу, что времени для того, чтобы сыграть настоящую свадьбу, у нас с Надей так и не нашлось до тех пор, пока мы не вышли на пенсию. Но зато потом, когда исполнилось 50 лет нашей совместной жизни — мы тогда были уже на «заслуженном отдыхе» и жили в Москве, — Московский дворец бракосочетания по подсказке кого-то из наших друзей устроил торжественную церемонию нашего венчания: прислал за нами два ЗИЛа с кольцами на дверцах, доставил нас вместе с нашими родственниками и друзьями во дворец и провел там весь полагающийся «золоторям» обряд по полной программе — с речами, цветами, шампанским и музыкой. При этом вручили нам настоящие красочные свидетельства о нашем бракосочетании. На этой церемонии присутствовало много молодых пар со своими друзьями и родными, приехавших во дворец сочетаться браком и пропустивших нас вне очереди как заслуженных «молодоженов».

А дома нас уже ожидали накрытые столы со всевозможными яствами и много гостей, пришедших на наш юбилей. Вот только тогда нам и удалось по-настоящему, а не втихаря, как когда-то на Кузнецкстрое, сыграть нашу свадьбу.

Но на этом дело не кончилось, поскольку мы оказались в поле зрения московской общественности. Спустя какое-то время нас с Надей и близкими родственниками пригласили в Колонный зал Дома союзов на «Вечер молодой семьи», где проводилась показательная церемония венчания нескольких молодых пар и многие выступали с речами. Мы с Надеей были на этом вечере также в центре внимания, нас много раз фотографировали, и наши снимки были опубликованы потом в журнале, который назывался, кажется, «Городское хозяйство Москвы».

А вскоре нас, вместе с другими молодоженами, повезли «Стрелой» в Ленинград в свадебное путешествие. Все было отлично, за исключением одного обстоятельства, омрачившего наше путешествие, — не было с нами нашего дорогого друга и свата, Миши Пассинского, он умер вскоре после окончания войны, еще относительно молодым — инфаркт миокарда. А ведь это он стоял у истоков нашего совместного с Надей жизненного пути. С его легкой руки, с его подачи состоялось и наше знакомство, и мое сватовство. И рука у него действительно оказалась на редкость легкой, так как прожили мы с Надей свои почти 65 лет вполне счастливо, были друг для друга надежной опорой, делили между собой по справедливости и радости, и невзгоды, которых в нашей жизни было не так уж мало.

Но вернемся на Кузнецкстрой, а то мои лирические отступления увели меня чуть ли не в самый конец всей истории.

На работе дела у меня шли неплохо, по крайней мере мне самому так казалось. Я уже стал разбираться в ассортименте производимой заводом продукции, сумел наладить деловые отношения не только с начальниками цехов и отделов, но и, похоже было, с непосредственным шефом, Иоффе, который стал относиться ко мне с большим доверием, без прежней настороженности. Все чаще стали обращаться по служебным вопросам непосредственно ко мне директор и главный инженер. На проводимых директором еженедельных совещаниях Бутенко, когда у него возникали какие-либо вопросы, касавшиеся сбыта заводской продукции, теперь задавал их мне, а не начальнику Коммерческого управления, как это бывало раньше. И рекламаций от потребителей нашей продукции завод стал получать меньше — а это уже заметный плюс и в работе заводского отдела сбыта.

Однако задумку свою о поступлении в Институт стали я не оставлял и продолжал исподволь готовить себя к вступительным экзаменам. Ни с кем я этими своими планами не делился, за исключением Миши Пассинского и моей теперешней «лучшей половины», они меня поддерживали в этом и вдохновляли. Случалось даже, что я отпускал их вдвоем в кино с тем, чтобы самому посидеть дома и позаниматься. Все шло хорошо, по заранее намеченному плану.

И вдруг... Надя сообщила мне, что наша пока еще довольно компактная и мобильная семья может скоро увеличиться. Вот тебе раз, а мы как-то об этом раньше и не задумывались. А ведь это могло внести серьезные изменения в наши планы, а то и совсем сорвать их. Как же быть?

Мобилизовав все свои познания в акушерском деле и ни с кем не советуясь, начали мы «вести борьбу» против нашего еще не родившегося, но уже давшего о себе знать первенца. Познания наши в этой области были, разумеется, довольно скудными, и поэтому желаемых результатов мы не добились — первенец наш, похоже, не собирался расставаться с нами. Мы его за это даже как-то зауважали и в конце концов махнули рукой, смирились — не хочешь, ну и не надо. Посудили-порядили и решили — рожать ребенка будем, но от своих планов отказываться не станем, а внесем в них лишь некоторые изменения:

сначала поучусь я, а Надя займется воспитанием нашего первенца — это ведь тоже немаловажная задача, — а придет время, и она продолжит образование. Но обращаться за помощью к врачам мы решительно не хотели, сразу же отбросили такую возможность, считая это неприемлемым и даже незачинным.

О своей новости мы, разумеется, никому не рассказывали — ни Надиным сестрам, ни Михаилу, боялись, как бы они не расстроили наши планы.

А время шло, наступила весна, пора уже было думать и об отъезде в Москву. Решили, что я буду проситься в отпуск в такое время, чтобы можно было использовать его для попытки сдать вступительные экзамены в институт. И если эта попытка увенчается успехом, тогда уж «открыть карты» перед всеми. Ну, а если не повезет, вернемся обратно в Сталинск как ни в чем не бывало, дескать, были в отпуске. Вот и все объяснения. И продолжали исподволь готовиться и к экзаменам, и к отъезду.

В отпуск мы уезжали где-то в конце июня. Работникам Кузнецкстроя полагался полуторамесячный отпуск то ли за отдаленность, то ли за суровые климатические условия, сейчас не помню. До этого побывали несколько раз в Старо-Кузнецке, повидались и погуляли с моей новой родней, со всеми ими я за это время перезнакомился. К нашему отъезду в Москву Надя моя была уже «округленной», и скрывать ее положение было уже бессмысленно, так что родственники наши обо всем уже знали и нас поздравляли, желая, как и положено в таких случаях, благополучного исхода.

А о том, что я собираюсь поступать в институт, разумеется, мы никому не говорили, и никто об этом нашем «героическом шаге» даже не подозревал. А то бы нам, и прежде всего, конечно, мне, задали хорошую головомойку. И было за что. В самом деле, жена на сносях, а ему вдруг взбрело в голову оставить хорошую работу, квартиру, надежную родню и ринуться, как в омут, за каким-то «журавлем в небе», в неизвестность, как будто нас ждут там с распростертыми объятьями. А уж о каких-то запасах финансовых средств и говорить не приходилось. На что мы собирались существовать там, в Москве, с малым ребенком на руках, кто там будет содержать нас? Так что узнай Надя родня о наших намерениях, думаю, что устоять нам против их обоснованных атак вряд ли бы удалось. Вот поэтому и помалкивали, делали вид, что едем просто в отпуск, ни расчета на работе не брали, ни квартиру не сдавали. Уложили все свое богатство, включая валенки и зимние пальтишки (это летом-то!), в два чемодана средней величины и укатили в столицу нашей Родины, где у нас ни родных, ни друзей, которые могли бы приютить хотя бы на первое время, не было.

Сегодня, размышляя о тогдашнем моем поступке, я затрудняюсь сказать, чего в нем было больше — наивности, граничившей с глупостью, легкомыслия, перемешанного с безответственностью, или, еще того хуже, какого-то авантюризма. Возможно, что всего этого добра с лихвой было намешано в моем поведении, в противном случае я никогда бы не стал так рисковать — ставить под удар нашу молодую и неокрепшую семью, мою неопытную и ни в чем не повинную жену. Короче говоря, ехали мы в неизвестность. Был, правда, у Нади один единственный адрес — Нины Никитиной, сестры жены ее старшего брата,

Евгения, так ведь это не наша родственница, и ничем она нам не была обязана. И неизвестно было, согласится ли она приютить нас, ведь мы с ней даже не списывались. Но другого выбора у нас не было.

По приезде в Москву мы с вокзала отправились прямо к ней со всеми своими пожитками — «здравствуйте, вы наша тетя!». Она, конечно, была ошарашена нашим неожиданным появлением и не старалась даже скрыть свою растерянность. Но приняла нас, видимо, из опасения, как бы не испортить своим отказом отношений с Надиным братом, которыми она очень дорожила, так как «пласлась» у него каждое лето по несколько месяцев, как на курорте, — он занимал в те годы довольно приличное положение в воинских частях, базировавшихся в Белоруссии, в Бобруйске.

Приютила нас Нина Андреевна — так звали нашу добрую фею — не надолго, а всего на несколько дней. Мы ее явно стесняли: жила она в коммунальной квартире, в небольшой комнатке, работала где-то медсестрой, и у нее, вероятно, была какая-то своя личная жизнь. А тут мы со своими проблемами — зачем ей были эти хлопоты и неудобства? И она поспешила сбить нас своей матушке, Леонтьевне, жившей в деревенском доме на одной из подмосковных станций, кажется, в Расторгуево.

Леонтьевна, женщина лет шестидесяти, по тем временам старушка, очень подвижная и говорливая, была, казалось, в курсе всех дел — больших и малых, касавшихся ее или не имевших к ней никакого отношения, и готова была обсуждать их с кем угодно в любое время дня и ночи. В своем зяте, Жене, как говорится, души не чаяла и могла рассказывать о нем и его жене, своей старшей дочери, Сонечке, без конца. Не исключено, что именно поэтому она и к его сестре, Наде, а следовательно, и ко мне отнеслась с подчеркнутым вниманием. Поселила нас в отдельной комнате, типа сарая, захламленного всякой рухлядью, кровати не было, и мы вынуждены были спать на полу. Но самая главная достопримечательность нашего нового обиталища заключалась в том, что оно было нашпиговано клопами в такой степени, что они даже днем бросались на человека, как голодные звери. А об их ночных шашках и говорить нечего — они просто пожирали нас живьем.

Сейчас, спустя более шестидесяти лет, мне страшно и противно даже вспоминать об этом — сразу тело начинает чесаться, а в те наши молодые годы мы безропотно переносили это. Пожаловались, правда, Леонтьевне, и она тут же порекомендовала нам «верное средство»: нарвать полыни и, намочив ее предварительно в воде, разложить вокруг постели, и никакой клоп не подступится. Мы так и сделали. Но каково же было наше удивление, когда мы обнаружили ночью, что эти звери, наткнувшись на полынную преграду, зашли к нам с тыла — забирались на потолок и оттуда пикировали на нашу постель! В конце концов мы ко всему этому привыкли, так же, вероятно, как и клопы к нам, и между нами установилась, так сказать, позиционная, стабильная война, не вносящая серьезных помех в нашу жизнь.

С Леонтьевной нам стало намного легче: она готовила нам еду, используя овощи со своего небольшого огородика, а мне оставалось только подкупать кое-

какие продукты и фрукты для Нади, с которой она целыми днями беседовала на всевозможные темы, в том числе и о ее будущих материнских проблемах. Я же каждый день с утра уезжал в Москву и пропадал там до позднего вечера.

Посетил Институт стали, перезнакомился там со многими, такими же как я, абитуриентами, от которых узнал много полезных вещей: и какие в институте экзаменаторы, и на что они больше всего напирают, и как лучше всего вести себя на экзаменах — ведь многие из них пытались поступать в институт не в первый раз, имели уже опыт. Но самое главное, что я узнал от своих новых знакомцев, это то, что некоторые из них для подстраховки подавали документы не только в Институт стали, но и в какой-нибудь другой институт — Энергетический или Бауманский. Захотелось и мне подстраховаться.

Посоветовавшись с ребятами, я решил посмотреть, что представляет собой столь популярный у них Бауманский институт — Московское высшее техническое училище имени Баумана (МВТУ), о котором я только слышал, но ничего не знал. Побывал там, познакомился с поступающими молодыми людьми, выяснил, какие в институте имеются факультеты, узнал, что там тоже есть кафедра по горячей обработке металлов. И пришел к выводу, что МВТУ не только не хуже Института стали, но во многих отношениях значительно лучше его.

Это учебное заведение, как я вскоре понял, превосходило многие наши вузы не только по своему почтенному возрасту, но также по многочисленности и разнообразию кафедр и факультетов, по сохранившемуся еще с дореволюционных времен профессорско-преподавательскому составу, по обилию лабораторий и научных кабинетов, а также по наличию фундаментальной технической базы для прохождения студентами производственной практики. А само здание института было старинной постройки и напоминало многими своими особенностями о том, что оно является настоящим храмом науки. Я как-то сразу, с первого же знакомства полюбил это замечательное учебное заведение, и мне очень захотелось учиться в нем.

Не долго думая, отправился в нотариальную контору, снял копии со всех своих документов и подал один комплект в Институт стали, а другой — в Бауманский, тем более что сдача вступительных экзаменов в эти институты очень хорошо стыковалась по времени, не накладываясь одна на другую. А по отдельным предметам экзамены в обоих институтах проходили один за другим, как будто это было сделано специально для нашего удобства.

Поскольку экзамены в Бауманском институте должны были начаться на несколько дней раньше, чем в Институте стали, большую часть времени я стал проводить в Бауманском, тем более что в нем была более подходящая обстановка для подготовки к каждому экзамену — претенденты располагались на удобных скамьях в приинститутском уютном скверике, а питались в институтских буфетах.

Незадолго до начала экзаменов мы с Надей получили от ее брата, Жени, ответ на ее письмо, в котором он приглашал ее приехать к ним в Бобруйск. Нас такое приглашение очень обрадовало, так как оно во многом упрощало и облегчало наше положение: я мог спокойно заняться только своими делами и

не отвлекаться на другие, бытовые проблемы. Я тут же купил билет и проводил Надю в Бобруйск. А сам, поблагодарив Леонтьевну за гостеприимство, перебрался в расположенное рядом с МВТУ общежитие (в Бригадирском переулке) — иногородним абитуриентам предоставлялась такая возможность. И дело пошло значительно более споро, не надо было ездить каждый день в Рас-торгуево, заниматься закупкой продуктов и уделять хоть какое-то внимание своей дражайшей половине. Теперь я мог полностью сосредоточиться на сдаче экзаменов в институты.

В общежитии, куда меня временно определили, я оказался в одной комнате с тремя хорошо подкованными ребятами — приезжими из каких-то провинциальных городов. Скромные, обходительные, ко мне, «старика» (так они в шутку меня называли), относились с подчеркнутым уважением, с готовностью помогали в любых моих затруднениях и даже за кипятком не разрешали мне ходить. Не то, чтобы не разрешали, а просто я не успевал за ними, очень уж были они предупредительными. От них я много чего поднабрался и узнал немало полезного.

Так, один из них добыл где-то список вопросов по математике, которые задавались поступающим в МВТУ в прошлом году. Другому удалось узнать от кого-то из работников института фамилии основных членов экзаменационной комиссии и даже их пристрастия, привычки, на что тот или иной из них лучше всего «клячет»: одному импонирует такая-то манера ответов и поведения экзаменуемых, а другого располагают совсем иные их качества.

Один из моих сожителей обладал явно выраженным талантом в области физики и химии и не скупился делиться своими знаниями с другими. При этом никто из них, казалось, не руководствовался такими соображениями, что, помогая другим претендентам, уменьшаешь тем самым свои шансы на поступление, делились всем, чем располагали сами. Такая детская бесхитрость и непосредственность толкала и меня к тому же.

Занимались мы много и усердно, не отвлекаясь ни на какие посторонние дела. Позволяли себе расслабиться только перед сном, где-то после полуночи: пили чай или кефир, рассказывали всякие забавные истории, касавшиеся учебы в институте, курьезных случаев со студентами и профессорами на экзаменах и в жизни. Сейчас я уже знаю, что многие из этих историй и баек были «с бородой» и передавались от одного поколения студентов другому, обогащаясь и обрастая все новыми и новыми подробностями. Нередко и в теперешние мои преклонные годы доводится слышать от молодых людей эти истории, как будто имевшие место с ними лично и совсем недавно.

И вот, наконец, наступил «судный день» — первый экзамен, как сейчас помню, по русскому языку, диктант, после которого, по свидетельству знающих людей, должна была отсеяться добрая половина претендентов. Вполне вероятно, что и в нашем случае потери окажутся немалыми: у диктовавшего нам преподавателя что-то неладное было с дикцией, а, может, он нарочно старался произносить слова невнятно. Лично я испытывал огромные затруднения, стараясь уловить коварные подвохи в читаемом им тексте, а для этой цели, наверняка, только такие и подбирались.

Все абитуриенты были, конечно, возбуждены и заметно волновались. Да и как не волноваться, ведь поступление в вуз для любого человека представлялось, по крайней мере, в те годы, довольно важной вехой в его жизни. Как это ни покажется странным, но о себе сказать этого я не мог, не потому, что был уверен в себе или что мне было безразлично, сдам я экзамены или нет. Объяснялось это, видимо, другим.

С тех пор, как я узнал, что скоро стану отцом, поступление в институт утратило для меня то первостепенное значение, какое я придавал ему раньше. Я, конечно, по-прежнему очень хотел учиться в институте, чтобы не отставать от жизни, «идти в ногу» с другими работниками моего уровня. Но перестал видеть в этом единственный «путь к спасению»: получится — хорошо, а не получится — тоже ничего страшного или непоправимого не произойдет, вернемся с женой обратно на завод и продолжим нашу работу как ни в чем не бывало. А заодно займемся и другим, не менее важным и интересным делом — растить и воспитывать нашего первенца, тем более что в Сталинске у нас будут для этого несомненно более благоприятные возможности, нежели в студенческом общежитии, даже в самом благоустроенном. Вот такой новый элемент появился с некоторых пор в моем сознании, а, может, только в подсознании, если таковое существует.

И если я по-прежнему продолжал цепляться за свою затею и с завидным упорством добивался ее осуществления, то делал это, скорее всего, по инерции, а в какой-то степени и из-за своего самолюбия: очень уж хотелось доказать самому себе, что я способен после восьмилетнего перерыва в учебе, да и какой учебы — рабфаковской, не только хорошо подготовиться к вступительным экзаменам в один из лучших столичных вузов, но и быть принятым в него. Хотя задача эта была далеко не легкой — в Бауманском институте на одно место претендовали в тот год семь или восемь человек. Возможно, именно это меня и подстегивало — очень уж хотелось испытать свои силы.

После диктанта, результаты которого сообщили нам не сразу, а через несколько дней, пошли экзамены по другим предметам: письменный и устный по русскому языку, математика письменная и устная, физика, обществоведение, включавшее в себя историю Коммунистической партии, и еще несколько предметов, всего, помнится, около восьми экзаменов. И после каждого из них, через день-два или три — экзамены по тем же дисциплинам в Институте стали. К этим экзаменам я уже не готовился, а шел на них с «Бауманским запасом». В обоих институтах требования предъявлялись довольно жесткие, и уже после первых трех экзаменов, включая диктант, абитуриентов стало значительно меньше. Я пока держался.

Запомнился мне устный экзамен по литературе в Бауманском институте. После нескольких первых вопросов, на которые я отвечал не очень уверенно, экзаменатор спросил меня, какого поэта или писателя я люблю больше всего. Услышав имя Пушкина, он спросил, не могу ли я вспомнить что-нибудь наизусть из его произведений. Какая удача, подумал я, и начал выдавать ему большими порциями отрывки из «Евгения Онегина», запомнившиеся мне еще со времен учебы с дядей Симой. Прервав меня через некоторое время, препода-

даватель спросил, не помню ли я стихов, которые Пушкин посвятил кому-нибудь из своих друзей или близких ему людей. И тут пошли в ход и «Подруга дней моих суровых», и стихи, посвященные Керн и декабристам. Экзаменатор был, видимо, заядлым пушкинистом, так как все время, пока я читал, он, улыбаясь, кивал одобрительно головой и, как бы помогая мне, слегка жестикулировал одной рукой. Видно было, что он остался доволен моими познаниями в литературе. Посмотрев на меня одобрительно, констатировал — «Отлично!» и начертал это магическое слово в моем экзаменационном листке.

Не менее счастливый жребий выпал мне и на письменном экзамене по русскому языку: среди четырех или пяти тем, написанных экзаменатором на классной доске и предложенных нам на выбор, была тема о творчестве Маяковского и его общественном значении. Можно ли было пожелать мне большей удачи? Я, конечно, ухватился за эту тему, как черт за грешную душу, по этим вопросам я готов был дискутировать с кем угодно: школа моего владивостокского друга Всеволода Бочарова оставила в моей памяти глубокий след. И накатал сочинение, помнится, страниц на девять или десять, не меньше, с выдержками из стихов поэта, разумеется. Сдал работу досрочно, и, не обременяя себя перечитыванием и тщательной проверкой написанного, вышел из аудитории с чувством полной уверенности в успехе. Тем не менее, получил за нее не «отлично», а только «хорошо» за допущенные в тексте две орфографические ошибки. Видимо, надо было писать покороче, тогда бы и риска ошибиться было меньше. А то, видишь ли, размахнулся, хотел показать свою эрудированность!

Нечто подобное случилось со мной и на одном из экзаменов в Институте стали, когда мне был задан вопрос, что я знаю о выплавке стали. Почувствовав себя «на коне», я начал свой ответ издали — с доменного процесса и затем перешел к выплавке стали, разложив ее, что называется, по косточкам. При этом старался как можно чаще использовать терминологию мартеновцев-сталеваров. Выслушав меня, экзаменатор поинтересовался, откуда у меня столь обстоятельные познания в металлургии. С трудом скрывая свою гордость, я ответил, что работаю на Кузнецкстрое, на металлургическом заводе, и что по характеру своей работы обязан хорошо знать весь производственный цикл. Экзаменатор не стал задавать больше никаких вопросов и тоже поставил мне «отлично».

Случаи эти были, разумеется, единичными и далеко не определяющими конечный результат моих экзаменов в обоих институтах. А то может показаться, что я какой-то везунчик и что благодаря только этому мне удалось добраться до финиша. Нет, приходилось крепко напрягаться и мобилизовать все резервы своей памяти, чтобы не сорваться. И только поэтому я смог добиться хороших результатов.

А результаты действительно оказались неплохими, во всяком случае лучше, чем я ожидал: по всем предметам, кроме одного, по которым пришлось сдавать вступительные экзамены в Бауманском институте, я получил только «отлично» и «хорошо». Этот экзаменационный листок из белой плотной бумаги с расписками экзаменаторов сохранился среди моих сувениров до сих пор.

Забегая вперед, хочу с разочарованием отметить, что ни этим «сувениром», ни приложенным к диплому об окончании МВТУ имени Баумана перечнем выпускных экзаменов, также с отличными и хорошими оценками, мне не пришлось, к сожалению, никогда воспользоваться: ни кадровики, ни начальство на моих будущих работах не интересовались этими «детальями». Их интересовало одно — когда и какое высшее учебное заведение окончил. А зря не интересовались, ведь именно они, результаты экзаменов, лучше всего характеризуют человека, работника и его способности. Нельзя же всех причислять под одну гребенку — и отличника, добросовестно и с ощутимыми результатами проручившегося в институте пять или шесть лет, и бездельника, лодыря, все это время бившего баклуши и с трудом дотянувшего до финиша, и то только потому, что не принято было исключать из высших учебных заведений студентов, ведь на их обучение уже были затрачены государственные средства.

Списки принятых претендентов были вывешены в МВТУ раньше, чем в Институте стали. В них оказалась и моя фамилия. Не дожидаясь результатов в Институте стали, я сразу же отбил депешу в Бобруйск о том, что принят в МВТУ и срочно уезжаю на Кузнецкстрой за расчетом.

Купил билет на скорый поезд и уехал, окрыленный радостью, гордостью и уже не помню теперь какими еще чувствами. Но хорошо запомнилось другое: хотя в период экзаменов я не исключал того, что, возможно, придется возвращаться на завод, если не примут, и внутренне готовил себя к этому, теперь же, когда я оказался в числе зачисленных в институт, готовность к такому исходу как водой смыло. Я был решительно настроен на то, что ни в коем случае не выпущу из рук свою жар-птицу, раз уж она мне попалась. Ведь второго такого случая может и не быть!

С таким настроением я и сошел с поезда в Сталинске. Это была середина дня, когда директор завода, закончив различные совещания, чаще всего находился в своем кабинете один. Поэтому я, не заходя домой, направился прямо в заводоуправление.

Константин Иванович встретил меня приветливо и сразу спросил, где же мой отпускной загар. Рассказав ему о том, как я провел свой отпуск, тут же протянул ему, как бы в подтверждение сказанного, свой экзаменационный листок. Бутенко внимательно ознакомился с ним и, похвалив меня за высокие оценки, сказал, что МВТУ — отличный институт и что он сам мечтал когда-то поучиться в нем. Но не пришлось, наследственная профессия, металлургия, перетянула. И тут же, как бы само собой разумеющееся, выдал, что отпустить меня сейчас на учебу он не может, завод еще набирает темпы, кадров недостаток и сейчас с завода он никого не отпускает, пока не время. Вот пройдет два-три года, завод укомплектуем, тогда пожалуйста, сами будем отправлять на учебу, а пока придется подождать, отложить на некоторое время.

Эти слова директора подействовали на меня как ушат холодной воды — я даже мысли не допускал, что мне придется смириться с этими его доводами. И, собравшись с духом, начал доказывать директору, что у меня, возможно, это единственный шанс учиться в таком институте и получить хорошую спе-

циальность, что другой такой возможности у меня наверняка не будет, что без высшего образования я вряд ли смогу принести на заводе много пользы, что, скорее всего, из меня получится чиновник-деляга, но не специалист, приводил и другие доводы, сохранившиеся в моей голове со времени еще недавних бесед на эту тему с Пассинским. И конечно же, не упустил возможности заявить директору, что по окончании института обязательно вернусь на завод, который мне так полюбился и без которого я себя теперь уже и не мыслю.

Но директор стоял на своем: иди в Управление и приступай к работе, а то вот опять посыпались рекламации на нашу продукцию, и сунул мне под нос несколько телеграмм. А затем подошел к окну, выходящему на главную городскую площадь, на которой был расположен театр, и, глядя в него, сказал вдохновенно: «Нет, ты только представь себе, какая красотища будет здесь через каких-нибудь пару лет: вся площадь превратится в ухоженный сквер со всевозможными цветниками, газонами и декоративными растениями, а в ее центре перестроенный и модернизированный театр. Мне только вчера главный архитектор города показывал проект, по которому уже начаты работы. Подойди-ка поближе», — подозвал Бутенко, почему-то перешедший вдруг со мной на «ты». Он явно давал понять, что вопрос, с которым я пришел к нему, исчерпан и возвращаться к нему он не намерен. Я, конечно, подошел, посмотрел в окно с нескрываемым безразличием и сказал, что не могу уйти без положительного решения вопроса о моем увольнении с завода. На что директор прореагировал еще откровеннее: сказав, что спешит куда-то, повернулся и направился к выходу из кабинета. Мне не оставалось ничего другого, как последовать за ним. Вот так закончилась моя первая атака на упрямого директора.

В тот день мне не хотелось встречаться ни с кем из моих знакомых, кроме Пассинского. И я отправился на его поиски. К счастью, он не успел еще уехать с Кузнецкстроя и продолжал следить за выполнением спецзаказа для Путиловского завода. Нашел я его в гостинице, и мы, обрадовавшись друг другу, отправились в гастроном, купили все, что было надо для такой встречи, и заехали на весь вечер у меня в комнате.

Обменивались новостями до полуночи. Вернее, я рассказывал ему о своих похождениях и успехах. Михаил искренне радовался за меня и одобрял мое намерение ни в коем случае не сдаваться. Советовал даже обратиться в горком партии — Хитаров разумный человек и должен понять меня, к тому же, как говорят, имеет большое влияние на директора. Разработали мы с Михаилом план моих дальнейших действий, вплоть до перечня доводов, которые мне следовало бы использовать в разговорах с Бутенко и Хитаровым.

А на следующий день с утра, еще до прихода директора на работу, я снова явился к нему и ожидал в приемной. Увидев меня, Бутенко, решив, видимо, что у меня к нему какие-то служебные вопросы, пригласил меня в кабинет. А узнав, с чем я к нему пожаловал, прямо сказал, как отрезал, что по этому вопросу он уже изложил свою позицию и менять ее не собирается. Но я не унимался, заявив с подчеркнутой решимостью, что если он откажет мне в моей просьбе и не отпустит с завода, вольно или неволью я буду всю жизнь считать, что это он, Константин Иванович Бутенко, сломал мою судьбу.

«Ну что ж, можете считать, если это доставит вам удовольствие, — сказал директор холодно, — мне к этому не привыкать, такая у меня должность, одним больше, одним меньше, какая разница. А теперь давайте поставим на этом точку». И уткнулся в лежавшие перед ним на столе какие-то бумаги. И снова ушел я от директора, как говорится, не солоно хлебавши, с тем же вопросом в голове: что делать? Не жаловаться же, в самом деле, на директора завода в горком партии: я понимал, что это было бы по меньшей мере неразумно, не говоря уже о том, что ни к чему хорошему не привело бы.

И тогда я решился на последний шаг: сославшись на то, что в Москве я оставил у чужих людей свою жену, которая должна вот-вот родить, отпрашиваться у директора в отпуск за свой счет, чтобы съездить к жене и привезти ее после родов в Сталинск. А там видно будет, подумал я, может, придется пойти на крайность и повторить владивостокский вариант, чего мне очень не хотелось. Да я, наверное, и не пошел бы на это — и сам я уже стал не тот, повзрослел, и Кузнецкстрой — не какие-то судоремонтные мастерские Дальгосрыбтреста. Стыдно, не по-партийному. Но где-то в подсознании, признаюсь, такая мыслишка все же ютилась.

Не желая тратить время и опасаясь, как бы мой пыл не остыл, я на следующий же день заявился к директору, когда в кабинете он был один, и изложил ему свою просьбу об отпуске за свой счет. Расценив, видимо, эту мою просьбу как готовность «сдаться», Бутенко сказал веселым голосом: «Ну, это уже другой разговор, отпуск я вам дам, поезжайте. Поработаете со мной еще годик-другой, а там мы сами направим вас в Промышленную академию, и получится из вас отличный «красный директор», руководитель крупной стройки или завода».

Видя, что я не разделяю его восторга от радужных перспектив, Бутенко, возможно, что-то заподозрил и после некоторой паузы сказал: «Только не вздумайте подшутить надо мной и не вернуться на завод — у вас тогда могут быть очень большие неприятности». Не знаю, как это у меня вдруг получилось, но я, не задумываясь, отпарировал: «Да уж больших неприятностей, чем вы доставили мне своим отказом отпустить на учебу, вряд ли можно придумать».

Похоже было, что мои слова произвели на директора какое-то сильное впечатление, я уж не могу объяснить, какое именно, но видно было, что оно ему очень не понравилось. Он долго смотрел на меня молча с нескрываемым укором, а затем сказал: «Думается мне, что Бауманский институт так завладел вашим воображением, что вы уже не в состоянии контролировать себя и можете пойти на любую глупость, даже во вред себе. А мне не хотелось бы быть причиной, даже косвенной, такого вашего проступка... Ладно, пишите заявление».

Я сначала не понял, о чем я должен писать — об отпуске за свой счет или об увольнении в связи с зачислением меня в институт. Но все же сообразил, что уточнять не следует, а поспешил вынуть из кармана заготовленное еще в поезде заявление и протянул его директору со словами: «Вот, я его заготовил заранее, будучи уверенным, что вы отпустите меня». Бутенко взглянул на меня с полуулыбкой, покачал головой и молча написал на заявлении: «Отдел

кадров. Оформить». Возвращая его мне, сказал: «Отдайте это Бодяге и оформляйте расчет».

Поблагодарив директора, я быстро направился к выходу, как будто боялся, что он может передумать. Но Бутенко окликнул меня: «Не забудьте перед отъездом попрощаться с директором».

Оформление расчета и сдачу всего числившегося на мне казенного имущества, включая комнату, я закончил в тот же день. А вечером собрались у меня самые верные мои друзья, включая Мишу Пассинского, и мы отметили как следует и мое отъезд, и мои будущие успехи не только в предстоявшей учебе, но и в семейной жизни и работе.

На следующий день рано утром я уехал с Кузнецкстроя, как оказалось, навсегда, хотя друзьям своим, так же, как и Константину Ивановичу до этого, обещал обязательно вернуться на завод. И говорил я это вполне искренне, мне самому очень хотелось, чтобы это обещание сбылось. Было очень грустно, чуть ли не до слез, расставаться с ним, сыгравшим весьма важную роль в формировании моего мировоззрения, в моем становлении как сознательного, взрослого человека и гражданина. Отсюда же началась и моя совместная с Надей длинная, как река Волга, жизненная дорога...

Я и сейчас, когда пишу эти строки, искренне жалею, что мне никогда больше не пришлось побывать на Кузнецкстрое. Иногда кажется, что из-за этого я чего-то недобрал в своей жизни, что-то очень важное упустил... В молодости я ведь был порядочным романтиком, зараженным сентиментализмом. Похоже, что и долгая жизнь не смогла выветрить из меня до конца этот молодежный «недуг», его остаточные следы дают иногда о себе знать и сейчас, в глубочайшей старости.

Москва. В храме науки

По возвращении в Москву я узнал, что из института меня отчислили, поскольку к началу занятий я не явился и вообще не подавал о себе никаких вестей. Не оставили за мной, разумеется, и места в общежитии. Пришлось ходить по высоким инстанциям и объяснять, чем был вызван мой срочный отъезд из Москвы после экзаменов и столь долгое отсутствие. К счастью, все уладилось — в институте меня восстановили и дали место в общежитии в Бригадирском переулке. В комнате было еще три жильца, также студенты первого курса, славные, компанейские ребята. Я и сейчас помню их фамилии: Борис Яйло, грек по национальности, пришел с флота; Рувим Свердлов, бывший комсомольский работник, еврей, и Александр Казаринов, окончивший в том же году среднюю школу, русский. Все холостые. Я быстро нашел с ними общий язык, а со Свердловым мы даже подружились, и эта дружба продолжалась до самой смерти Рувима, замечательного человека и преданного, надежного товарища. Это был настоящий коммунист — честный, бескорыстный и идейный до наивности.

Первые лекции, на которых я появился, были для меня непонятными — пропустил-то из-за своей поездки в Сибирь около двух недель, — но это меня не обескураживало, надеялся, что товарищи по общежитию помогут наверстать упущенное, да и сам готов был поднажать за счет сна. Так оно и получилось, на «вхождение в колею» много времени не потребовалось. За это время я успел побывать и на почте, куда приходила для меня корреспонденция «до востребования». Из письма узнал, что у меня появилась дочка и что назвали ее в честь дяди, Женечкой. Я, разумеется, сразу же отбил «захлебывающуюся» многословную депешу с поздравлениями и выражением радости и обещал в скором времени приехать к ним. И уже через неделю был в Бобруйске.

Познакомился с замечательным семейством Надиного старшего брата и, конечно же, со своей дочуркой. Праздновали мы там по случаю всех накопившихся к тому времени событий основательно, по-сибирски, целую неделю. Но пора было возвращаться к учебе. Договорились, что пока малышка не окрепнет, Надя с нею поживет у брата в Бобруйске, а я тем временем буду думать, как подыскать для нас жилье в Москве. Думать-то можно, а вот как найти его, жилье, с какого конца подступиться к поискам, с чего начинать — это уже другой вопрос, намного сложнее «думанья». Для меня это было задачей со многими неизвестными. Но, тем не менее, обещал — что я мог еще в моем положении?

А когда вновь появился на институтских лекциях, то увидел, что за это время мои сокурсники продвинулись уже значительно вперед и что мне будет